Холмогоров В.И. Материалы для истории Костромской епархии. Кострома, 1895. Вып. 1, отд. 1: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломой жилых данных церквей. 1628–1710 и 1722–1746 гг.

Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта: По материалам древнего Радонежского княжества. М., 1987.

А.А. Гиппиус, П.В. Лукин

«А СЕ ВОЛОСТИ НОВГОРОДСКИЕ…» К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОНЯТИЯ «ВОЛОСТЬ» В НОВГОРОДЕ XII–XIII вв.

В современной историографии, благодаря, прежде всего, серии работ А.А. Горского последнего времени (2013; 2019; 2020), сложилась достаточно стройная и во многих аспектах вполне убедительная концепция административно-территориального устройства Руси X–XIII вв. и связанной с ним политико-географической номенклатуры (*земля*, *волость*, *вервь*, *погост*). Тем не менее ряд моментов остаются спорными. В частности, это касается Новгорода и использования в новгородском контексте понятия «волость». В соответствии с концепцией А.А. Горского, в Древней Руси «волость» никогда не была тем, чем она стала позднее – начиная с XIV в. и вплоть до советского времени, – мелкой административно-территориальной единицей уровнем ниже уезда (после возникновения системы уездов). В самую раннюю эпоху (до начала XII в.) это было княжеское владение, часть «территории государства» (Руси). Позднее, в эпоху «раздробленности» (XII–XIII вв.), крупные древнерусские политические образования стали называться «землями», а их части, подвластные князьям, – «волостями». Иные значения территориального понятия «волость» (бóльшая их часть относится именно к Новгороду) трактуются как исключения из этого правила (см. ниже).

Однако если обратиться к новгородским источникам, временно абстрагируясь от общерусской ситуации, можно увидеть несколько более сложную картину.

Волости в составе Новгородской земли упоминаются уже в самых ранних договорах Новгорода с великими князьями. Так, в договорах (проектах договоров) Новгорода с великим князем Ярославом Ярославичем 1260-х гг. – древнейших документах такого типа – содержится запрет на раздачи князем новгородских волостей «бес посадника». Ясно, что речь идет об административно-территориальных единицах в составе Новгородской земли (ГВНП. С. 9–11, № 1–2). Особое внимание исследователей привлекает присутствующая в тех же договорах и входящая в инвариант новгородско-княжеских докончаний XIII–XV вв. статья «А се волости новгородские...». Поскольку перечисленные в ней волости располагались на периферии Новгородской земли, в литературе утвердилось мнение, что сам термин *волость* был, по крайней мере первоначально, приложим только к окраинным территориям, не распространяясь на ядро Новгородского государства (Горский 2019. С. 76–77).

Этот взгляд имплицитно отражает и закрепившееся в литературе именование статьи «списком» или «перечнем» новгородских волостей.

В лингвистическом отношении эта точка зрения уязвима. Начальные слова статьи она трактует по модели заголовков, входящих в конвой новгородских летописей перечней типа «А се посадници новгородьстии...», «А се тысячьскыи новгородьскыи», т.е. как вводящие закрытый список объектов, называемых новгородскими волостями. Между тем с не меньшим основанием эти слова можно понимать, – делая логическое ударение на прилагательном, – как утверждение принадлежности названных далее территорий Новгороду. (Тот же смысл, *mutatis mutandis*, имеет положение договора (проекта договора) Новгорода с Казимиром Ягеллоном 1471 г., оговаривающее принадлежность Новгороду территорий, пограничных с Литвой: «А что Ржова, и Великіа Лукі, и Холмовски погостъ, четырѣ перевары, *а то земли новгородцкіе*». – ГВНП. С. 130–131, № 77.) Такое утверждение не только не исключает, но даже предполагает существование других новгородских волостей, не упомянутых по той при-

чине, что принадлежность их Новгороду очевидна и не нуждается в декларировании. В пользу такого понимания говорит и общая композиция данного раздела договоров. В первом из них (Там же. С. 9, № 1) «перечень волостей» находится в обрамлении идентичных по содержанию фраз: «А волостии ти, княже, новгородьскыхъ своими мужи не держати, *нъ держати мужи новгородьскыми; а даръ от техъ волостии имати.* А се волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми <...> Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости *дьржати мужи новгородьскыми; а даръ от нихъ имати*». Если бы волостями назывались только периферийные территории, этот повтор был бы лишен мотивации. В предлагаемом же прочтении построение текста вполне логично: сначала формулируется общий порядок управления новгородскими волостями (где бы они ни находились); затем оговаривается принадлежность Новгороду (в случае с Волоком и Торжком – в совладении с великим князем) перечисленных периферийных волостей, после чего подчеркивается, что указанный общий порядок распространяется и на эти периферийные волости.

Против представления об исключительно периферийном статусе «волостей» договоров говорит и то, что в тех же документах волостями названы и единицы еще более мелкого порядка – волости, подвластные Волоку (который сам был волостью по отношению к Новгороду): «А се волости новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми…». Волоцкие волости явно не были периферийными по отношению к Волоку. Вообще, положения договоров о новгородских волостях («без вины ти мужа волости не лишити» и др.) производят впечатление общих, распространяющихся на всю территорию Новгорода, а не только на ее отдаленные, окраинные части.

В тех же договорах фигурирует и «Новгородская волость» («вся волость Новгородская») как вся территория Новгородской земли и при этом в контексте не подвластности князю, а наоборот – гарантий самостоятельности Новгорода (ГВНП. С. 10–13, № 1–3).

Важно еще, что в самих документах эта ситуация возводится ко времени княжения в Новгороде Александра Невского (Там же. С. 10–11, № 2–3), т.е. начиная с 1236 г. (а отца Ярослава Александр представлял там и раньше). Иными словами, эта тер-

минология, как и сам формуляр новгородско-княжеских договоров, могла возникнуть еще в домонгольское время.

Неупоминание в источниках территорий в центральной части Новгородской земли в качестве «волостей» может объясняться и, скорее всего, объясняется тем, что эти территории упоминаются просто под своими названиями. Показательный пример – интерполяция в «Уставе о мостех князя Ярослава», распределяющая плату за возведение звеньев (городней и релей) Великого моста между административно-территориальными единицами Новгорода и Новгородской земли (о структуре интерполяции см.: Гиппиус 2005. С. 17–18). В самом Новгороде в этом качестве выступают сотни, между которыми распределены первые 11 звеньев. Остальные же городни определяются просто прилагательными, образованными от названий соответствующих территорий: Ржевская, Бежицкая, Лужская и т.д. Присутствие в этом ряду Бежичей, упоминаемых как волость в договорах с князьями, позволяет думать, что такими же волостями были и другие перечисленные территории: Ржева, Луга и др.

Еще один, низший, уровень понятия демонстрирует берестяная грамота № 10 из Старой Руссы (вторая половина XII в.), сообщающая о бедственном положении жителей Городища – волости адресата грамоты, Онании («В волости твоеи толико вода пити в Городищяньх»). Согласно разделяемой А.А. Горским интерпретации издателей, под волостью здесь имеется ввиду частное землевладение. На наш взгляд, остаются в силе соображения В.Д. Назарова (1990. С. 95–96), обосновывающие иное понимание этой волости – как подведомственной Онании территории, возможно, включенной в систему княжеского управления. Контекст, в котором за «городищан» заступаются, в лице автора грамоты, Ярилы, все жители Русы («а рушань скорбу про городищяне»), говорит, скорее, в пользу этой трактовки. Ее поддерживает и наиболее вероятная интерпретация заключительной фразы: «ополош дворян обыша нь пакостил(-)» (см.: Зализняк 2004. С. 447). Форма множественного числа *обыша* заставляет думать, что имеется в виду не один дворянин – управляющий владельца, Онании, – а подчиненные Онании дворяне, в которых для этой эпохи есть основания видеть княжеских людей. «Пакости», творимые в волости княжескими дворянами, напо-

минают – в ином масштабе – обвинения, предъявлявшиеся новгородцами Ярославу Владимировичу в 1184 г.: «много творяху пакости (в младшем изводе: «творяше пакости») волости Новгородьскеи» (НПЛ. С. 37, 228). Эта перекличка симптоматична, показывая, что мы имеем дело не с двумя разными значениями слова *волость* (‘государственная территория’ и ‘частное владение’), но с разноуровневыми реализациями общего значения ‘территория того или иного размера, находящаяся в управлении/владении определенного лица или корпорации’. Диффузность этого значения, соотносимого с географическими объектами разной величины, естественна ввиду его производности от значения обладания, власти.

Таким образом, выявляется трехуровневая структура новгородских территориальных единиц, причем единицы всех трех уровней могли называться «волостями»: Новгородская земля в целом – входившие в нее отдельные территории (по-видимому, не только «периферийные») – мелкие сельские единицы, тянувшие к новгородским «пригородам» (примеры: волоцкие волости, в свою очередь, входившие во «всю волость Волоцкую»; старорусское Городище берестяной грамоты).

Некоторый оттенок периферийности в понятии «волость» в новгородской интерпретации всё же усматривается, но в несколько ином смысле: «волость» может иметь значение сельской периферии по отношению к городу. Так, в Новгородской I летописи (Н1) о походе новгородцев и псковичей на Полоцк в 1168 г. сказано: «ходиша новгородьци съ пльсковици къ Полотьску и пожьгъше волость, воротишася от города за 30 вьрстъ» (НПЛ. С. 33). «Волость» здесь – не какая-то конкретная территория, а сельская местность вообще по отношению к городу Полоцку. То же самое мы видим в Н1, естественно, и применительно к самому Новгороду. Достаточно упомянуть одну из причин восстания против Мирошкиничей в 1207 г. – сбор «куриной» подати (летописец считает нужным подчеркнуть, что он осуществлялся именно «по волости». – Там же. С. 51) или требование новгородцев к Ярославу Всеволодичу в 1228 г. судей «по волости не слати» (Там же. С. 67).

Что касается волости как *владения*, то действительно в подавляющем большинстве случаев это понятие в источниках фи-

гурирует в таком значении (тем более что это, как уже говорилось выше, более чем естественно с этимологической точки зрения), хотя и тут есть не вписывающееся в эту модель очень важное свидетельство, имеющее отношение как к Новгороду, так и к Руси в целом. Это знаменитая сентенция из Лаврентьевской летописи под 1175 г. об изначальности веча: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, [и Полочане], и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣишии сдумають, на томь же пригороди станутъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 377–378, с учетом конъектур по родственным летописям). Идея принадлежности «власти» (т.е. волости, в том числе Новгородской) князю здесь отсутствует. Напротив, если мы посмотрим на летописную статью в целом, то увидим, что, с точки зрения летописца (при этом не новгородского, а владимирского!), хозяевами «волости сей», которая также называется «всей Ростовской землей», являются, по крайней мере не в меньшей степени, чем князья, владимирские «гражане». Понятие «власти»/«волости» здесь амбивалентно – это одновременно и территории, подчиненные не только и не столько князьям, сколько городским политическим сообществам, и сами эти политические сообщества – формально всё население волостей, а фактически – «гражане», полноправные жители основных центров Суздальской земли.

Что касается владения, то, хотя в огромном большинстве случаев «волость» – это владение князей (что также естественно, имея в виду политический строй Руси, а потом русских земель), применительно к Новгороду это как раз, скорее, не так.

В рассказе Н1 о голоде в Новгороде в 1215 г. летописец сетует: «и тако, по грѣхомъ нашимъ, разидеся власть наша и градъ нашь» (НПЛ. С. 54). Новгородская «волость» (в данном случае, это, конечно, вся новгородская периферия в целом по отношению к городу Новгороду, а не только и даже не столько окраинные регионы), как и град Новгород, принадлежит не князю, а «нам», т.е. новгородцам. В таком же контексте «волость/власть наша/своя» (новгородцев) трижды (!) фигурирует в описании голода 1230–1231 гг. (НПЛ. С. 69). Очень ясно это акцентирует новгородский летописец в известии под 1255 г. о нападении западных соседей, среди которых фигурирует и «Дидманъ съ своею волостью» (т.е. немецкий феодал Дитрих фон Кивель с войском, собранным в

подвластной ему части Северной Эстонии). Новгородцы тогда начали собирать полки «по своеи волости» (НПЛ. С. 81). Волость «Дидмана» противопоставлена тут волости, принадлежащей политическому коллективу, а не отдельному человеку.

Это характерно и для тех случаев, когда новгородцам приходилось применять такие понятия по отношению к другим землям. Так, о походе «всей Русской земли» при участии новгородцев на Галич в 1146 г. в НПЛ говорится: «Томь же лѣтѣ ходиша вся Русска земля на Галиць и много попустиша область ихъ» (НПЛ. С. 27). «Область» – и этимологически, и содержательно – то же, что и «волость» (Фасмер 1987. Т. 3. С. 102; Горский 2019. С. 68–69), однако владеет этой «областью», в новгородском понимании, не князь, а «они», т.е. галичане.

В этом же контексте, а не как особый случай, по-видимому, надо рассматривать и пояснение Н1 младшего извода о том, что во времена Кия, Щека и Хорива «новгородстии людие, рекомии Словени», кривичи и меря «свою волость имѣли» «кождо своимъ родомъ владяше» (НПЛ. С. 106). Имеется в виду здесь, в принципе, то же, что и в приведенных выше случаях: территориально-политические общности владеют своими «волостями» (не важно, имело ли это какое-то отношение к реальности далекого прошлого – так себе это представлял летописец) (ср.: Горский 2019. С. 67).

Таким образом, слово «волость» («власть», «область») не имело в новгородском контексте четкого терминологического значения. Волостями назывались и территориальные единицы Новгородской земли разного уровня, в том числе и мелкие, похожие на волости более позднего времени, и не окраинные, а также сама Новгородская земля. Были у этого термина и иные оттенки значения: объект владения князя или/и политического сообщества; периферийные территории в противопоставлении главному по отношению к ним городу.

Тема новгородской волости, конечно, связана с интерпретацией древнерусской волости вообще, но это уже задача другого исследования.

Литература

Гиппиус А.А. К изучению княжеских уставов Великого Новгорода: Устав князя Ярослава о мостех // Славяноведение. 2005. № 4. С. 9–24.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.

Назаров В.Д. К методике анализа новгородских источников XII–XIII вв. (О стратификации общества Новгородской республики) // ВЕДС: Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 92–96.

Горский А.А. От погоста к волости // Образы аграрной России. Памяти Н.А. Горской. М., 2013. С. 89–93.

Горский А.А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб., 2019.

Горский А.А. Вервь и погост (XI–XIII вв.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год. Воронеж, 2020. С. 10–15.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. М., 1987. Т. 3.

О.В. Гусакова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОНИМА «ДАНЫ» В «СТРАСТЯХ СВ. ЭДМУНДА» АББОНА ФЛЁРИЙСКОГО

Этноним «даны» широко распространен в англо-саксонских источниках эпохи викингов для обозначения скандинавских разбойников, завоевателей и поселенцев в Англии конца VIII – XI в. Однако этническая идентичность тех, кого англо-саксы называли «данами», была не единственной и, судя по всему, даже не основной составляющей этого термина.

Известие о первых викингских кораблях в Англии помещено в Англо-Саксонской хронике под 787 г. (фактически – 789 г.)[1], но отнесено в целом к годам правления короля Уэссекса Беорхтрика (т.е. между 784 [786] и 800 [802] гг.). В рукописи A читаем: «Тогда король Беорхтрик взял в жены дочь короля Оффы. И в его дни впервые приплыли *три корабля* (*iii scipu*), и герефа поскакал туда, и хотел отвести их в королевский город, поскольку он не знал, кто они такие; и они его убили»[2]. В рукописях B, C, D уточняется: «*три корабля северных людей* (*iii scipu Norðmanna*)», а известия в рукописях E, F еще более детальны: «*три корабля северных людей из Хёрдаланда* (*iii scipu Norðmanna of Hereðalande*)» – из области в